

Мария Федотова

• ИГРА • В КАМЕШКИ

КомпасГид
издательский дом

Утром я встала рано — боялась опоздать.

Попрощалась с игрушками:

— Ведите себя хорошо, чтобы мне за вас
не краснеть. Я теперь школьница.

Детей в школе было много. На крыльцо вышел
дяденька и звякнул оленьим колокольчиком.

— Звонок прозвенел, — сказал какой-то мальчик.

— Не звонок, а олений колокольчик, — поправила я.

— Звонок! — мальчик шлепнул меня портфелем
по спине.

— Олений колокольчик! — я тоже стукнула его сумкой.

Нас развели в стороны и поставили в шеренги.

Напротив учеников стояли учителя, говорили
о чём-то громко и много. Первоклассникам выдали
тетради и карандаши, завели в комнаты (классы)
и посадили за покатые столы (парты). Оказавшись
за одной партой с драчливым мальчиком, я показала
ему язык. Он погрозил мне кулаком.

ЕАИ

ISBN 978-5-00083-540-1

9 785000 835401 >

Мария Федотова

• ИГРА • В КАМЕШКИ

*Перевод с якутского Ариадны Борисовой
Иллюстрации Ирины Галкиной*

УДК 821.512.157-053.5
ББК 84(2Рос=Як)6-44
Ф34

Федотова, Мария.

Ф34 Игра в камешки : [для мл. шк. возраста : 6+] / Мария Федотова ; пер. с якутского Ариадны Борисовой; ил. Ирины Галкиной. — М. : КомпасГид, 2019. — 112 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-540-1

Однажды девочка Нулгынэт увидела совсем маленького человечка и удивилась: почему он низенький такой? «Он просто ребёнок, точь-в-точь как ты!» — засмеялась мама. А откуда малышке знать, что на свете существуют другие дети? На всю округу она единственная — до ближайшего посёлка день пути на санях!

Имя Нулгынэт означает «рождённая во время кочевья», и живёт она в бригаде оленеводов в якутской тундре. Шоколадная конфета или резиновый мячик для неё диковинки из «большого мира», зато она не боится встречи с волками и однажды помогла вылечить раненого орла. Ездить верхом на олене Нулгынэт научилась раньше, чем писать и читать, а её любимые игрушки, разноцветные камни, умеют превращаться хоть в диких зверей, хоть в дома, хоть в сокровища.

Девочка словно героиня мультсериала «Гора самоцветов»: настолько же нереальной кажется она сама, настолько же волшебной — её жизнь. Но хотите верить, хотите нет, а собранные под этой обложкой истории — вовсе не сказки, а воспоминания повзрослевшей Нулгынэт! Её зовут Мария Прокопьевна Федотова, она педагог с большим стажем и популярный на Дальнем Востоке детский писатель, чьи книги выходят на трёх языках: якутском, эвенском и русском.

Книга «Игра в камешки» изначально опубликована на якутском языке, на русский её перевела Ариадна Борисова. За эту повесть автор и переводчик удостоены премии имени Владислава Крапивина в номинации «Малая Родина — Большая Россия». Иллюстрации Ирины Галкиной идеально передают уникальный колорит книги. Для читателей младшего школьного возраста «Игра в камешки» наверняка станет открытием: какой, оказывается, разнообразный наш мир!

УДК 821.512.157-053.5
ББК 84(2Рос=Як)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Федотова М. П., текст, 2019
© ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
оформление, 2019

ISBN 978-5-00083-540-1

Мангай умчу

Стоял ясный осенний день. Я играла возле чума*. Рядом мама шила торбаза** — сапоги из оленьих камусов***.

— Когда ты была маленькой, ты говорила разные смешные слова на своём языке, — вспомнила мама. — Например, «мангай умчу».

— А что это такое?

— Если находила ягодку голубики, сама не ела, несла мне. И кричала при этом: «Мангай умчу! Мангай умчу!»

— А-а-а, значит, я голубику так называла!

С маленькой деревянной кружкой я отправилась «мангай-умчулить». Вокруг чума словно голубой дымок

* Чум — переносной дом у кочевых народов Севера: каркас из жердей и покрытие, сшитое из оленьих шкур.

** Торбаза — сапоги с мягкой подошвой.

*** Камус — часть шкуры, снятой с ног животного.

вился по кустам — полным-полно было голубики, крупной, сладкой, с багряной мякотью под тонкой кожицей. Тропинки разбегались в разные стороны, ягодные кусты звали вперёд, и я отходила от чума всё дальше и дальше.

Вдруг позади меня кто-то часто и громко задыхался. Я оглянулась: ой, кто это?! Огромная собака со светло-жёлтыми глазами бежала по моим следам. Я испугалась и, приговаривая: «Эй, уходи, чэт, чэт», — припустила по тропинке. Собака угрожающе осердила длинные острые зубы. Она, видимо, почуяла запах барана-чубуку*. Из его шкуры была пошита моя шубка. Я заверещала и кинула в собаку комком земли. Она тоже испугалась, тихо повернулась и исчезла в кустах кедрового стланика.

Я собрала полную кружку вкусных голубых ягод. Вернувшись домой, угостила всех «мангай умчу» и рассказала о встрече с собакой.

— Такая большая! Чуть не укусила меня!

Брат попросил меня показать место, где я видела собаку. Посмотрев на её следы, он воскликнул:

* Чубуку́ (чубу́к) — местное название снежного барана, обитающего в горах севера Якутии.

— Глупышка! Волка за собаку приняла!

Мама взяла мою шубку и, что-то таинственно шепча, подожгла краешек. Это было так смешно, что я не выдержала и расхохоталась.

На следующий день я снова пошла собирать «мангай умчу». Подражая матери, сделала вид, что тихонько приговариваю себе под нос, взяла спички и тоже подожгла край шубки. От палёной шерсти поднялся неприятный запах. Только после этого я решилась отдалиться от чума.

Чтобы отпугнуть волка, я стала делать так каждый день. Но однажды случилось ужасное: огонь вспыхнул, я не успела его затушить, и шубка сгорела дотла. Мама сильно рассердилась и отстегала меня тонким прутиком. Мне было очень обидно, я плакала и кричала:

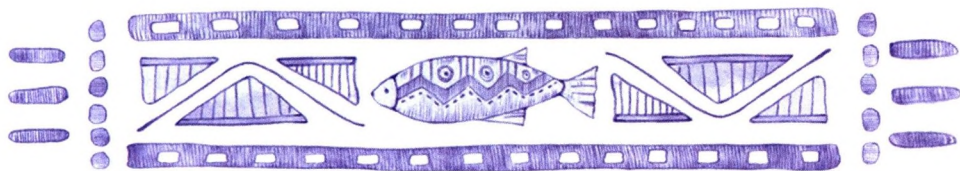
— Я не виновата! Шубка сама загорелась! Если б она не сгорела, я бы её наказала!

Взрослые почему-то рассмеялись.

— Ничего смешного! — рассердилась я вконец.

Вот ведь какие эти взрослые! Я осталась без шубки, мне попало от мамы, а они ещё и потешаются! Вот соберу много «мангай умчу» и ни за что не поделюсь с ними, никогда не поделюсь!

«Мамочка» Омни

Была у нас важенка* по имени Омни. Я не умела доить оленух, как мама, поэтому молоко мне разрешали сосать. Обняв Омни за задние ноги, я на несколько минут превращалась в маленького олешка-тугута. Молоко было вкусное и пахло оленьим мхом-ягелем. Родные говорили:

— Омни твоя мамочка!

Потом важенка постарела. Ноги у неё стали больные, она уже не могла ходить под уздечкой. Колени постоянно обдирались. Мама пыталась помочь Омни, но упрямую болезнь не брали никакие лекарства. Важенка теперь не гуляла со стадом, а бродила возле чума. Я жалела «мамочку» и после обеда делилась с ней лепёшкой. Омни быстро съедала свою половину и, заглядывая мне в глаза, снова тыкалась в мою ладонь...

* Ва́женка — самка северного оленя.

Как-то раз Омни гуляла на травяном пригорке. Я, как всегда, припасла для неё половинку лепёшки. Иду и вижу: Омни дерётся с большой худющей собакой. Я закричала что было сил, а когда увидела, что бок важеньки красный и с него свисают клочья разорванной шерсти, закричала ещё сильнее. Подбежала и кинула в дерущихся горсть мелких камней.

Вдруг послышался выстрел, и я упала от неожиданности. Из-за пригорка вышла мама с ружьём в руках и сказала сердито:

— Что за бессовестный волчище! Уже возле жилья на оленя напал!

Волк отползал в кусты. Мама снова выстрелила, и он перестал шевелиться. Омни, еле переставляя ноги, двинулась к нам. Я радостно бросилась ей навстречу, но мама поймала меня и закрыла рукой мне глаза, шепча в ухо:

— Не смотри, доченька, не смотри...

Я закричала и принялась выдираться из её рук, а мама упорно тащила меня в чум. Лёжа на расстеленных там шкурах, я плакала до тех пор, пока не уснула...

— Омни больше нет с нами, — сказали мне утром.

Я уже знала об этом, но непослушные слёзы тут же закапали.

На улице висела волчья шкура. Я схватила нож и давай её колоть:

— Вот тебе, вот! Из-за тебя не стало Омни!

Немного успокоившись, я долго стояла и молча глядела на пригорок, где только вчера гуляла моя важенька. Потом я часто приходила туда с лепёшкой, делила её надвое. Сначала съедала свою половинку, а после, плача, — половинку «мамочки» Омни...

Привези мне солнышко

К нам в гости пришёл незнакомый человек. Говорок у него оказался быстрый, пересыпанный частым смехом. Человек был толстенький, а смех — круглый, будто камешки с горки катятся. Он даже сидеть не мог спокойно, и мне казалось, что гость вот-вот свалится от хохота. И одежда у него была другая, на нашу непохожая. Непонятно: то ли он нарядный такой, то ли ему больше надеть нечего. Я сидела рядом и украдкой трогала полы его пальто. Мама сердито поглядывала на меня. А гость гладил меня по голове:

— Ах ты вихрастенёвая девчоночка! Ма-ахонькая! Звать-то как?

— Нулгынэт. А тебя?

— Василий Георгиевич. Скоро снова к вам в гости приеду. Какую игрушку тебе привезти?

Я очень удивилась.

— Камни, что ли? Их и здесь полно, зачем возить.

Гость тоже удивился, спросил у мамы:

— О каких камнях она говорит?

— Девочка играет камешками и других игрушек не знает, — смущённо сказала мама.

— А ведь других игрушек на свете много! — обратился гость ко мне. — Игрушечные машинки ездят, самолётики летают, разные игрушки гудят, звенят и поют! А для таких девчоночек, как ты, есть красивые куклы. Что же тебе привезти?

Я растерялась. Не могла понять, о чём это он. Поэтому выпалила сгоряча:

— Привези мне солнышко!

Гость опять удивился:

— Солнышко?

— Как только замёрзну, повешу его в чуме повыше и стану греться!

Я принялась подыскивать место для солнца. Гость осматривался вместе со мной, думал, куда лучше

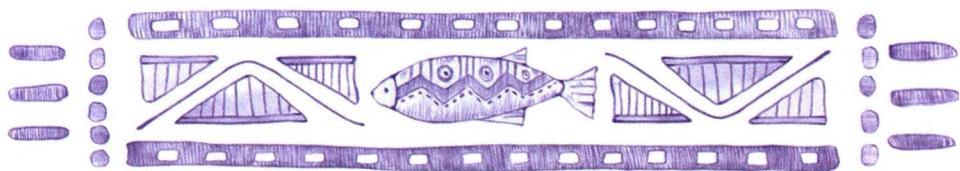
повесить подарок. Хлопнул себя по колену и сказал весело:

— Ну что ж! Привезу тебе солнце!

Мне тоже сразу стало весело.

«Со всеми поделюсь солнышком! — принялась мечтать я. — Пусть в каждом чуме всегда будет светло и тепло!»

Пенка

У нас была собака, белая, как молочная пенка.

— Пенка, а ну дров принеси! — кричал, бывало, из чума брат.

Пенка тут же притаскивала в зубах полешки.

Подражая брату, я командовала собаке:

— Пенка, дров принеси!

Та будто не слышала. Я кричала громче. Пенка «не понимала» и, виляя хвостом, ластилась ко мне. Тогда я присаживалась возле неё, кричала в самое ухо и пыталась затолкать полешко ей в пасть. Обидевшись, она перескакивала через меня. И отбегала в сторону с укоризненным видом.

Пенка была очень умной собакой. Хоть и не слушалась, а от смерти однажды меня спасла.

Летом река вздулась от сильного ливня. Мы с родными переезжали её на оленях, вброд. Вдруг мой олень оступился и упал. Я с головой ушла под воду,

даже крикнуть не успела. Свет перед глазами померк, в ушах стоял звон, в мозгу билась одна мысль: «Сейчас утону... Утону!»

Очнулась — лежу на берегу. Пенка лижет мне лицо. Хочу сесть, а не могу. Живот какой-то надутый, тяжёлый, голова не поднимается. Тут родные подбежали. Брат перевернул меня вниз головой. Сразу полилась вода, как из ливневой тучки. Он потряс меня ещё, взял на закорки и побежал к маме. Она растёрла меня насухо, намазала чем-то тёплым и жирным. Я хорошенько помотала головой, и уши

освободились от водяных пробок. Мама то и дело давила мне на живот. Вода продолжала выливаться из меня толчками до тех пор, пока живот не стал плоский, как прежде.

Утром я проснулась совсем здоровой и увидела, как мама гладит Пенку, а брат отрезает и даёт ей лакомые кусочки мяса.

Потом всё было как раньше. Я кричала собаке в ухо, чтобы она принесла дров, а та делала вид, что не слышит, и укоризненно на меня посматривала...

Смерч

Иногда мы оставались в чуме вдвоём с дедом. Он что-то мастерил из железа, а я играла железными обрезками.

Дедушка всегда припасал для меня кусок сахара. Я этот сахар съедала не сразу: пососу немного и бережно прячу в карман. Такого лакомства, как у деда, больше не находилось ни у кого. Когда на меня нападал приступ щедрости, я делилась сахаром с другими. Они радовались и тоже угощали меня кто чем мог.

Спала я на дедушкином узорчатом сундуке. Спать на нём было удобно, совсем не жёстко. Я любила просыпаться и видеть, как дед хлопочет над чайником и готовит завтрак.

В тот раз, как всегда перед завтраком, я пошла погулять. Слышался странный звук, будто кто-то большой неподалёку ломает ветки. Я зашла за пригорок.

Сидела, играла. Называла камешки и палочки разными именами — они для меня были как живые!

Вдруг раздался пронзительный свист ветра и громкий человеческий крик. А потом кто-то сердитый принялся греметь посудой. Порывом ветра мне в лицо бросило землю и мелкие щепки. Из-за пригорка я видела: наш чум летит, как огромная страшная птица, а узорчатый сундук лихо скачет вниз по горе! Деда нигде нет. Наверное, ветром сдуло. Я испугалась и громко заплакала. Вдруг слышу слабый оклик: дедушка подошёл. Одежда на нём кое-где порвана, лицо в ссадинах...

— Какое счастье, что ты, внучка, на улице заигралась! Он и меня-то, человека взрослого, чуть не убил, а детку малую запросто бы с собой унёс!

— Ты о ком? Кто тебя чуть не убил?!

— Смерч. Такого сильного, как сегодня, я и не помню.

Я подумала, что смерч — это человек, и спросила:

— Ты его видел? Он правда сильный?

— Конечно! Вон как наше жилище летело...

«Неужели смерч сильнее деда?» — удивилась я про себя.

— Деда, а что, он тебя на руках подкидывал?

— Нет у него рук. Смерч — не человек, просто очень-очень сильный ветер. Как щепку меня бросал... Как только я жив остался!

— Дедушка, а значит, я тоже не умерла?

— Что ты, что ты! Ещё чего придумала — умирать, такая маленькая! Вот старушкой станешь, тогда и умрёшь!

Дед часто задышал, схватился за грудь.

— Больше не говори так! — попросил он и погладил меня по голове.

— Деда, а ты старик?

— Старик.

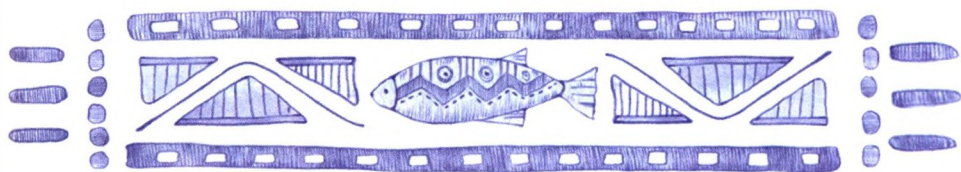
— А когда-то был старушкой?

— Был, был, внучка, — рассеянно отвечал он, подбирая уцелевшую посуду. — Пойдём чум ставить.

Я собирала разбросанную повсюду утварь и думала: «Вот и я когда-нибудь стану стариком...»

К приходу родных мы уже всё привели в порядок. Словно и не бывало никакого смерча.

Белый оленёнок

Брат принёс крохотного оленёнка — тугута. Шёрстка у него была мягкая, блестящая. Белая, как только что выпавший снежок. Даже среди белых оленят я таких белоснежных не видела. Он мне сразу понравился.

— Недоносок, не сегодня, так завтра помрёт. Шкурку снимешь, — сказал брат маме и поспешил обратно к стаду.

Я погладила тугута. Сердце больно сжалось от слов брата, в голове зазвенели жалобные колокольцы: «Умрёт, умрёт...»

— Спи, не бойся, — шепнула я оленёнку. — Если будешь много спать, скорее вырастешь.

А он даже глазки не открыл.

Тут подошла мама с ножом.

— Мамочка, не убивай его, прошу тебя! — закричала я и прикрыла собой малыша.

— Он всё равно умрёт, дочка. Недоношенный...

— Не умрёт! — расплакалась я. — Выкормлю...

Оленёнок еле дышал. Я хотела покормить его, но он и рта не мог раскрыть. Да ещё, оказывается, передние ножки у него были крепко сжаты — даже стоять не получалось. В крошечной грудке не хватало места для дыхания...

Я плакала об оленёнке. Ему становилось всё хуже. Две ночи подряд засыпала я в траве рядом с белым тугутом. А просыпалась в чуме, даже не помня, как меня туда принесли.

Утром я бежала к оленёнку. Он лежал, как растеленная шкурка. Из боязни, что собаки могут растерзать моего любимца, я держала их на привязи.

— Не мучай бедняжку и сама не мучайся, — уговаривала меня мама.

— Не дам убить! — горячо возражала я.

Наступила третья ночь. Я боялась, что, когда усну, оленёнка убьют, и старалась не спать. Ему было трудно дышать. Я не знала, чем помочь, и только плакала. Наконец в отчаянии разбудила маму. Она прижала меня к себе:

— Ничего не поделаешь...

Умер мой белый оленёнок.

Мама завернула меня, обессиленную от слёз, в одеяло, уложила рядом с собой. А утром тугута

уже не было на прежнем месте. Его вообще не стало на свете — белого-белого, белоснежного. Недоношенного...

Собачье ухо

Пастухи отлавливали важенок. Мама собралась их доить.

— Дочка, принеси ведро!

Все вёдра в чуме были полны воды. Я остановилась в нерешительности.

— Эй, где ведро? — рассердилась мама.

Я попробовала поднять ведро с водой, но мне его даже сдвинуть не удалось. В сердцах я пнула ведро. Вода выплеснулась на постель, на оставленную в чуме одежду, замочила полы моего пальтишка. Тогда я вылила воду и принесла ведро маме. Она меня похвалила. И надоила полное ведро молока! Оленьё молоко густое, жирное. Я зачерпнула кружкой, отпила — вкуснотища!

Все пошли обедать, а я осталась. Меня томило недоброе предчувствие. Вдруг пастухи громко закричали. Я испугалась и побежала прочь.

«Подумаешь — мокро! Ничего страшного! Высушат, — успокаивала я себя. — А как высушат, так и забудут о пролитой воде. Тогда и домой вернусь».

Вдруг сзади послышался топот. Я, конечно, припустила изо всех сил, но огромная ручища ухватила меня за плечо. Не растерявшись, я позвала собаку Пенку. В ответ раздался звонкий лай, и через минуту Пенка напала на моего преследователя. Им оказался пастух Никус. Пенка схватила Никуса за ногу и зарычала, мотая головой. Он кричал... Тут прибежала его собака, и они с Пенкой стали драться. Никус сел на землю, а я помчалась домой.

Увидев, как родные развешивают мокрую одежду, я почувствовала себя ужасно виноватой и заплакала.

— Не плачь, Никус пошутил, — сказала мама. — Он хотел тебя просто попугать...

Хромая, подошёл Никус. Мама завела его в чум, чем-то помазала укус на ноге, перевязала белой тряпкой.

— Хорошо хоть моя собака вступилась, а то бы твоя Пенка совсем меня съела, — пожаловался Никус. И заплакал горько, даже подвывал! Или он опять шутил? Мне всё равно было жалко пастуха. Я же не просила Пенку так сильно его кусать!

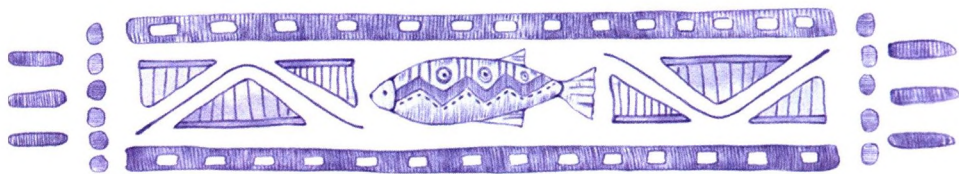
— Никус, хочешь, я и Пенку плакать заставлю?

Я подозвала её и крепко укусила собачье ухо. Пенка жалобно завывала.

Никус от удивления перестал плакать и вдруг оглушительно захохотал. Остальные тоже засмеялись. Я хотела обидеться, но и мне стало смешно.

Ухо Пенке я помазала костным жиром. Другие собаки слизывали жир и лечили Пенку. Ухо зажило быстро, гораздо быстрее Никусовой ноги. Зато меня с тех пор никто не пугал, даже если, бывало, провинюсь.

Туллай

Я раньше не представляла, что, кроме меня, существуют дети. Сколько себя помнила, среди всех такая маленькая была я одна.

Однажды к нам пришли двое незнакомцев — женщина и с ней смешной человечек.

— Мама, отчего он совсем низенький? — удивилась я.

Мама засмеялась:

— Он просто ребёнок. Такой же, как ты! Потом поиграете вместе.

Женщина нас познакомила. У мальчика было ласковое имя Туллай. Я сказала, что меня зовут Майыс, а второе имя — Нулгынэт.

— Вот и меня зовут Марией! — обрадовалась женщина.

Гостей усадили за стол. Мне не терпелось поиграть. Я дёрнула Туллую за рукав и стала показывать

ему свои «сокровища» — разноцветные камешки. И нечаянно разлила его чай.

Новому другу моя коллекция понравилась. Он тоже хотел играть и всё время вертелся, поэтому, когда ел мясо, порезался ножом. Показалась кровь, Туллай заревел. Мария осмотрела его руку и сказала, что порез неглубокий. Туллай сразу замолчал, и мы пошли играть.

Я заявила, как полноправная хозяйка:

— Когда к нам издалека приезжают гости, мы забываем какого-нибудь олешка. Выбирай из этих, какого тебе больше хочется съесть?

Туллай ужасно обрадовался и начал бегать вокруг стада.

— Этого! — закричал он, гоня моего любимого белого тугута.

— Он тощенький, невкусный ещё! — завопила я и с неприязнью подумала: «Ну надо же, из всего большущего стада выбрал именно моего оленёнка!»

Мы молча посидели на брёвнышке. Туллай присмотрел ветвисторогого оленя старшего пастуха Эрчэни:

— Тогда этого!

Я вспомнила, что Эрчэни обещал мне оленя. Может, этого и отдаст.

— Ладно, гони его сюда!

Я закинула аркан*, затянула петлю на оленьих ногах и привязала оленя к дереву.

Из чума выбежали женщины.

— Зачем поймала?! — закричала мама.

— Радость большая, — сказала я важно. — Туллай приехал. Вкусное мясо надо.

— Но ведь олень принадлежит Эрчэни!

* Аркан — длинная верёвка с петлёй на конце для ловли животных.

— Эрчэни обещал мне ветвисторогого! — я в это уже и сама поверила.

Олень рвался из петли, потом упал и подвернул ногу. Мама развязала верёвку, но он почему-то не смог встать. Тут появился и его хозяин.

— Ты ведь хотел подарить мне этого оленя, правда? — закричала я, прыгая и пытаюсь заглянуть Эрчэни в глаза. — У меня радость — Туллай приехал!

Пастух посмотрел на моего гостя, на меня, взял Туллая под мышки и подбросил высоко-высоко! Туллай завизжал от радости и от страха, а я запрыгала вокруг — просто от радости. Я поняла, что Эрчэни подарил мне оленя. Я не обманула гостя!

Вечером мама с Марией сварили мясо, и я узнала, что Мария — сестра Эрчэни, а Туллай — его племянник, поэтому ветвисторогого забили в честь встречи родных. А мне пастух подарил другого оленя.

Сопливые люди

Зимой я строила дома из снега и прокладывала длинные норы в сугробах. В норы прятала собак. Варезками мне служили мукчу — зашитые рукава мехового комбинезона. Я просовывала руки сквозь небольшие отверстия в них, а потом втягивала обратно, чтобы согреться. Мукчу были постоянно мокрые от снега. Шкура, из которой они были сшиты, не успевала высыхать и портилась. Мама пришивала новые рукава, тыкала мне в нос сгнившие:

— Бессовестная девчонка! Ни мать, ни вещь ей не жалко!

Брат шутил:

— Говорят, если человеку в нос тыкать испорченные мукчу, он станет сопливым.

— Пусть бы лучше сопливой да бережливой была, — вздыхала мама.

Однажды к нам приехал русский ветеринар. Он беспрерывно сморкался и чихал. «Наверное, ему в нос часто тыкали мукчу», — догадалась я, но прямо спросить об этом не решилась. Да и разговор они с братом вели не по-нашему.

— Узнай, отчего у него нос такой длинный и сопливый, — приставала я к брату.

— Чего?! Иди, не мешай, — сердился он.

Гость и брат целыми днями возились с больными оленями. Я наблюдала за лечением. И ходила за ветеринаром по пятам, приглядывалась к его носу. Он спотыкался об меня и быстро-быстро что-то говорил. Глаза у него были синие, как льдинки. Бедняга.

Как-то под вечер я заявила маме:

— А ведь русский-то сильно болеет! Даже глаза посинели... Ты мне, мама, больше не суй мукчу в нос, лучше палкой по голове стукни...

За ужином я села рядом с ветеринаром. Он продолжал швыркать носом. Я не выдержала, встала да как засуну ему свой палец в нос! Гость не растерялся — взял и прищемил мой нос своими пальцами!.. В носу сразу стало мокро и противно.

— А ну-ка иди высморкайся! — крикнул брат. Я выскочила на улицу. Сморкалась старательно, громко, чтобы дома слышали.

Зашла, скромно села в сторонке. Родные о чём-то разговаривали с гостем. И вдруг он снова зажал мне нос! Я схватила лучину и ткнула его в бок:

— Этим меня по голове ударь, а нос мой не трогай!

Он удивился, вытаращился на меня. В глаза ему смотреть я побаивалась, такие они были синие!

— Вот так ударь, вот так! — я легонько стукнула себя лучиной по лбу.

Ветеринар пожалел меня и дал конфету. Я вежливо поблагодарила по-русски:

— «На здоробье».

— Зачем тебе надо, чтобы все тебя по голове стучали? — сурово спросил брат.

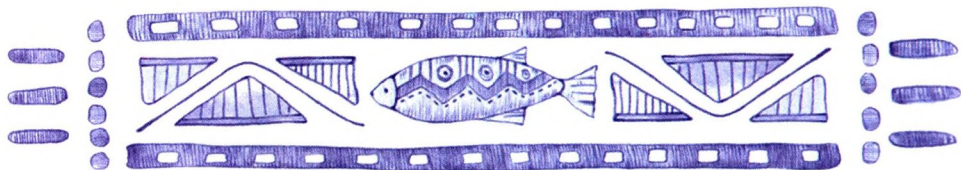
— Я в детстве стеснялась чужих, а ты ко всем лезешь! — подхватила мама.

А я не умела стесняться. Я любила разговаривать с чужими, от них можно было узнать много нового. Гостям нравилось со мной общаться. Они смеялись всё время. Если человек смеётся — значит, доволен разговором. Разве не так?

Немного погодя мы с ветеринаром подружились и стали понимать друг друга без слов. Он подарил мне открывашку для консервов и научил ею пользоваться. В это время как раз привезли консервы в стеклянных банках, и ко мне стали приходить

люди. Я куда-нибудь пряталась и выходила с уже открытой банкой. Меня хвалили и даже приносили угощение. Некоторые просили показать открывашку, но я не показывала. У нас с русским, как у двух сопливых людей, были свои секреты.

Где человек?

У пастухов одинаковые шапки. Они всё время их путают и выясняют, где чья. Зовут меня. Нюх у меня острый, как у Пенки, и память отличная. По запаху и виду шапки я быстро определяю владельца.

— Это шапка Никуса, это — Эрчэни, вон та — Ванчика. Кривая шапка — Екю, мохнатая — брата, плюснутая — мамина, а эта — моя!

К шапкам мы в шутку относимся как к живым, даём им имена. Если, к примеру, наступишь нечаянно на упавшую шапку Никуса, он кричит:

— Ой-ой, не топчите Никусову голову!

Екю говорит о своей нежно:

— Кривулька моя.

Брат называет свою шапку Сюркэчэном, его и самого так зовут. Мою вешают со словами: «Шалунья Нулгынэт».

Если кто-то приходит к нам в моё отсутствие, я сразу узнаю об этом по запаху.

— Мама, кто был?

— Начальник из района. Привёз тебе конфет.

— Ух ты! Много? Хватит всем по одной?

— Вон кулёк лежит, — мама отвлеклась от шитья, поглядела недовольно. Ей не нравилось, что я всё раздаю. — Опять себе ничего не оставишь?

— Плакать будут, если не поделюсь. Помнишь, как плакал Екю, когда ему конфетки не досталось?

— Он нарочно!

— Ничего не нарочно! Чай пил и плакал. Я видела — щёки были мокрые.

— Ага, чаем плакал...

Запах у конфет чудесный. Одну я тут же кладу в рот. Сладко!

— Мама, скажи брату, пусть поймает моего тугута.

— Зачем?

— Конфетой угощу. В прошлый-то раз не угостила, Екю свою конфету отдала.

— Ладно, скажу. Иди, не мешай человеку...

— Какому человеку? Где он? — оглядываюсь я.
Кроме нас с мамой, в чуме никого нет. — О ком ты?
— О себе, — ворчит она. — Что я — не человек?
— Конечно, не человек! — хохочу я. — Ты же мама!

Лесной

Мы переезжали на новое место. На дороге была слякоть, снег вперемешку с водой. Несколько оленей отбились от стада. Мама послала меня их найти, помочь пастухам.

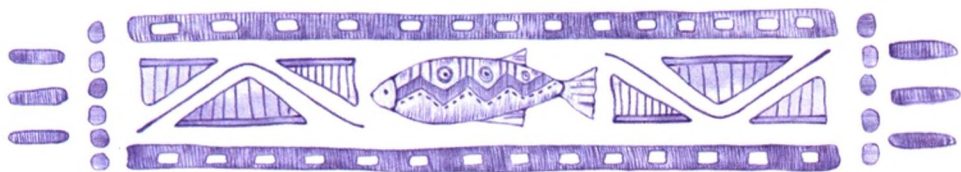
Я поскакала на олене по кличке Санырыкан. Радовалась, что еду искать оленей.

В кустах тальника что-то чернело. Олень! Подъехав, я заметила, что он подозрительно лохматый. Мой Санырыкан вдруг остановился как вкопанный, что-то почуял. И завертелся подо мной на одном месте. А тот чёрный, кого я поначалу приняла за оленя, встал на задние ноги, как человек!

Страшный чёрный человек! Я вздрогнула. Санырыкан попятился. Да и чёрный струсил, побежал, скрылся в тальнике. Только тут я по-настоящему испугалась: «Это, кажется, лесной!» (Так называют у нас

медведя.) Я повернула оленя и резво поскакала обратно к маме. Пусть уж пастухи сами олешек собирают, а то мы с лесным друг друга боимся!

Гуси

В начале весны тундра* голая, ни деревца, ни кустика. Олени нагружены поленьями для топки. Уток и гусей кругом видимо-невидимо. Кажется, сам воздух звенит, дышит, играет. От звонких птичьих криков вся тундра трепещет. Я верчусь во все стороны — никогда не видела столько птиц сразу! Хочется их рассмотреть, поэтому я слегка отстаю от своих.

Пёс Утикан вдруг затеял драку с огромным гусём. А гусь уселся ему на спину и стал злобно драть с него шкуру! Ключья шерсти полетели во все стороны. Я подъехала ближе. Утикан взвыл от боли, а потом и от радости, что я рядом. Прыгнул ко мне. Вся морда в крови. Я испугалась за пса, припустила к своим. Рассказала им о случившемся, а все почему-то смеялись. Мама ответила:

* Тундра — природная зона в приполярных областях, где над вечной мерзлотой только тонкий слой почвы, поэтому там могут расти только травы, мхи, кустарники и карликовые деревья.

— Утикан ещё не видел гусей. Вот и познакомился. Другие-то собаки, видишь, учёные и не лезут к ним.

— Почему брат на гусей не охотится? Их ведь много...

— В это время никто не охотится. У птиц детки маленькие.

— А осенью?

— Осенью можно.

— Гусиное мясо вкусное, — вздохнула я.

— Так ты проголодалась? погоди, недолго осталось терпеть! Доедем до бабушки Иргичэн, она покормит.

— А я и не знала, что у нас есть такая бабушка!

— Ой, грех! Не кричи имя громко, это я духа местности так называю, — шепнула мама.

Я оглянулась. Мне показалось, что кто-то нас слышит. А может, и видит? Я осмотрелась кругом: за каким пригорком скрывается дух бабушки Иргичэн?

Лоси в тундре

Мы разбили стоянку в местности Иргичэн. Я играла неподалеку от берестяного чума, где мама что-то варила на костре. Пастухи намаялись ночью с оленями и теперь спали.

Мне показалось, что в нашу сторону движутся двое — в тундре издалека всё видно. Для людей они были слишком крупные, на оленей непохожи, да и на всадников тоже. Я позвала маму.

— Лоси, лоси в тундре! Беги, буди брата! — закричала она.

Я забежала в чум, дёрнула брата за ноги:

— Эй, вставай! Лоси в тундре!

Брат сердито захлопал сонными глазами:

— Не мешай спать!

Завернулся в одеяло, голову закутал.

Я сообразила: наверное, лоси — это что-то страшное. Не зря же мама велела брата разбудить!

— Вставай, лентяй! Мама сказала, вставай — лоси в тундре! — чуть не плакала я.

— Э-э-э, ты о чём?

— Лоси в тундре! Вставай! — я уже кричала изо всех сил.

— Ладно, только не ори так, встаю...

В это время послышался выстрел. Затем другой, третий... Я выскочила из чума.

— Мама, в кого стреляешь?

Я вгляделась туда, куда смотрела мать. Тех двоих не было и в помине.

— В лося стреляла. Один ушёл. Пусть, — сказала мама радостно. — Зато во второго попала. Хорошо, что появились, как раз мяса нет. Это ты, дочка, поохотилась зоркими глазами!

Мама поцеловала меня. Я встала на цыпочки, чтобы увидеть застреленного лося. Из чума выбежали пастухи.

— Кто стрелял?!

Мама громко щёлкнула ружейным затвором.

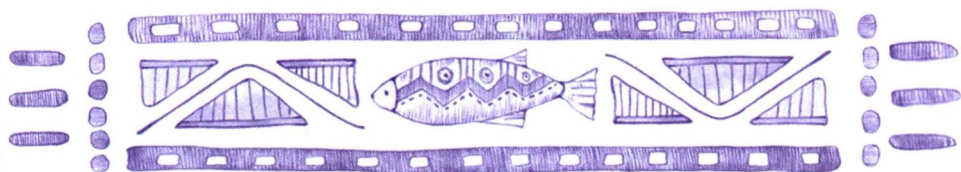
— Э-э-э, лоси! Лоси в тундре, — объяснила я гордо. — Это я глазами охотилась!

— Чего заладила — «в тундре» да «в тундре», глупышка, — проворчал брат. — Сказала бы просто «лоси», и всё!

Он посадил меня на плечо, и я наконец увидела что-то тёмное в том месте, где шли те двое.

...Ох и вкусное, ох и жирное было мясо! «Давно такого не ели», — приговаривали пастухи. И нахваливали меня, называя славной охотницей!

Игрушки

Однажды мы приехали в странное место. Там было полным-полно красивых пёстрых камней. Я раскладывала их по цветам. Светлые блестящие камешки я называла сахаром и делала вид, что их ем. На больших валунах «ездила», как на оленях. Из белых, зелёных, коричневых строила домики. В коричневых домиках у меня жили волки и медведи. А в белом — я сама. Перед тем как идти спать, я украшала свою «деревню» красноватыми камешками. И оставляла белого каменного пса её сторожить. Говорила ему:

— Хорошо охраняй!

Обещала принести вкусную косточку, гладила по «голове».

Однажды утром я, как всегда, с нетерпением поспешила к своим камешкам. А их не было! Забрал кто-то. Я заплакала и побежала домой.

— Кто мои игрушки спрятал?!

— Эге, сестричка, вчера я видел геологов. Наверное, они взяли твои камни, — предположил брат.

Я возмутилась:

— Они что — других не могут найти? Пусть отдадут обратно!

Брат меня пожалел.

— Геологи в гости меня звали. Не плачь, я с ними поговорю.

Весь день я ждала брата. К вечеру он пришёл и привёл русского дяденьку. Я побежала навстречу:

— Почему так долго? Камни, что ли, друг у друга отбирали?

— Кто же дерётся из-за камней? — засмеялся брат. — На, вот тебе за твои камешки, — и он дал мне что-то завёрнутое в бумагу. Я хотела развернуть, но незнакомый неприятный запах ударил в ноздри, и от неожиданности я уронила пакет на землю. Брат его поднял. Там оказались маленькие человечки и зверюшки! Удивительно! Они были мягкие, пищали и свистели, как птички! Я попробовала их на зуб — внутри вроде пусто...

— А почему оленей нет? — строго спросила я. — У меня много каменных оленей было! Назад их верните. Скажи ему, — велела я брату, кивнув на гостя.

Брат перевёл. Русский рассмеялся и достал что-то из кармана.

— Это мячик, — подал он мне что-то яркое, круглое, с узором. Я взяла осторожно. А вдруг какая-то хитрая штучка? Но нет, мячик действительно походил на те, что обычно шила мне из меха мама.

Я подбросила свой подарок. Он подпрыгнул, оттолкнулся от земли так весело и ловко, что я тут же забыла об оленях! Играла в мячик почти до ночи. А остальными игрушками пищала. Подкравшись к чьему-нибудь уху, нажимала на игрушку, и та издавала громкое «пи-пи-и-и-и!», как попавшая в петлю птаха. Человека брала оторопь, а я отбегала подалее и хохотала до упаду.

К вечеру я всем надоела своими пищалками, у мамы даже голова разболелась. Брат начал на меня сердито покрикивать. А я перед сном тайком сунула в каждую постель по игрушке. Писк, вопли,

гомон! То-то было веселья! Все на меня разозлились, а я устала от смеха и уснула.

Хотела и на следующий день повеселиться, да кто-то из моих игрушек выковырял пищалки. Замолчали игрушки. А я закричала:

— Кто мои свистульки без голоса оставил?!

— Это не я!

— И не я! — отпирались все вокруг.

Никто не хотел признаваться. До сих пор не признаются, вот какие!

Наша спасительница Мухала

Небольшой пригорок, на котором остались мы с мамой и десяток низкорослых оленей, со всех сторон окружала вода — белёсая, как чай с молоком. Мы сидели в крохотном чуме. Дров не было. К счастью, кое-какие поленья удавалось найти в воде. Мама заарканивала их, как олешек, и подводила к берегу. Этим топляком мы оживляли печку. Но иногда поленьев не было совсем...

Руки у мамы распухли от холодной воды и почти ничего не держали. Вся работа досталась мне. Я вылавливала из воды поленья, рубила их и топила печь, готовила пищу под маминым руководством. А потом и еда кончилась. Можно было забить оленя, но руки у мамы совсем отказали. А я, ещё

маленькая, не могла поднять ружьё. Мы три дня ничего не ели.

Утром я вышла из чума и увидела, что собака Мухала треплет зайца. Оба были мокрые. Видимо, заяц тонул, и собака его поймала. Я легко отобрала добычу у Мухалы, она только поворчала немного.

Я приволокла зайца в чум. Освеживала его, промыла мясо. Мама сказала:

— Вырежи печень и съешь сырой. Она сытная.

Так я и сделала. Печень была неприятной на вкус, но что делать — надо было набираться сил!

Мы пошли вылавливать топляк. Мама надела себе на плечи рюкзак:

— Что найдёшь, кидай в него.

Вскоре в печке затрещал весёлый огонь и так вкусно запахло!

— Не ешь много, — посоветовала мама. (Я-то, конечно, готова была съесть всё сразу!)

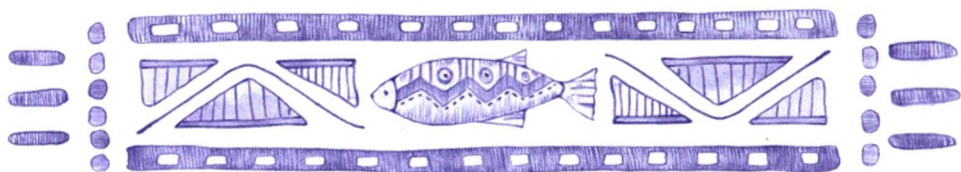
После еды я уснула. Как хорошо спать, когда в желудке тепло!

Мухала ещё несколько раз приносила зайцев и уже не ворчала, когда я их у неё забирала. Для всех охотилась. Руки у мамы немножко зажили, и скоро она смогла убить из ружья оленя. Собака перестала охотиться — теперь она тоже была сыта. Вода

понемногу спадала. Приехал брат с пастухами и забрал нас с островка.

...Мухалы давно нет, но я всегда помню, как она спасла нас от голода.

Счастье

Как-то раз зимой собралось много народу. Согнали оленей в одно огромное стадо, давай считать. Некоторых определили на убой. Приехало начальство, каждому пастуху дали по новой палатке с новой железной печкой. Даже Ванчик такую палатку получил, а ведь он совсем ещё молодой. Ванчик побежал, ликуя, вприпрыжку, а за ним побежала я. Его радости было так много, что хватило и мне. Пастух пел:

Какой я счастливый!
Мне подарили радость —
Красивую палатку с печкой,
Я поймал удачу,
Охо-хо-хо-хо!

— Ванчик, можно я буду петь твою песню? — спросила я, еле поспевая за ним. Заглянула в его весёлое лицо.

— Если радуешься, пой, конечно! Мне не жалко, — разрешил он.

— Охо-хо-хо-хо! — пела я каждому, кого встречала на пути. — Мне подарили радость!

— Чего раскричалась? — рассердился брат. — А ну перестань!

— Я не кричу, а пою! Я сегодня счастливая! Охо-хо-хо-хо! Слышишь, как красиво получается?

— Ну, если счастливая, тогда ладно, — улыбнулся брат. И я услышала, как он тоже тихонько стал напевать!

К вечеру тут и там раздавался полюбившийся всем мотив. Я подумала: «Какой день хороший! Все-все счастливые!»

Ужинали мы вместе, собравшись в самой большой палатке. Было весело, шумно. Люди делились новостями. Мне тоже хотелось поделиться.

— Послушайте! — сказала я, и все на меня посмотрели. — А ведь мы сегодня счастливые!

Все в палатке удивились, стали переглядываться.

— А девочка-то права!

— Так и есть!

— Праздник!

Все со мной согласились. В глазах у людей за-
плясали солнечные зайчики.

Этот день я крепко запомнила. Если радостно од-
ному хорошему человеку, то всем, кто рядом, тоже
становится радостно. Наверное, это и есть счастье!

Бережливая хозяйка

Мы сварили свежей оленьей крови и потроха. Из костей ног выбили вкусный мозг. Брат разрубил голову оленя, и мама повесила на шесте над костром олений язык.

— Давай сами съедим язык, когда все уйдут? — шепнула я ей.

— Нет, я приготовлю его твоему брату, — сказала мама. — Придёт с охоты усталый, полакомится.

— Может, и меня кусочком угостит, — вздохнула я.

Через несколько дней брат вернулся с охоты. Привёз сумку, полную лосиных языков. Мама повесила их коптить. Сказала, что есть языки будем только летом. Мяса она навялила целую грудку и набила им кожаные сумы. Мне дала маленькую сумочку:

— Грызи, не разбрасывай.

Я его не ела, стерегла и прятала от собак.

Наступило время, когда съели всё сушёное мясо из больших сум. Только в моей сумочке оно уцелело. Я была очень довольна собой: «Вот бережливая хозяйка!»

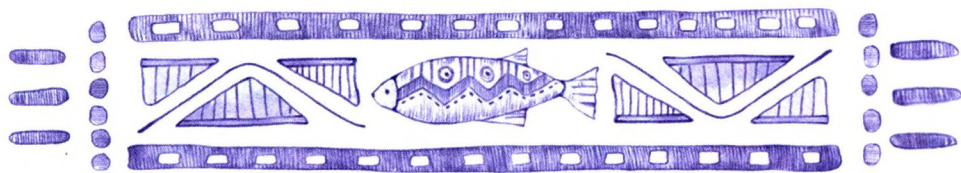
Летом у нас кончилось сливочное масло. Без масла сухая лепёшка горло дерёт. Мама достала копчёные языки, срезала с них тонкую кожицу и долго варила. Языки были жирные, как масло.

Брат намазал лепёшку языковым маслом. Я зачерпнула лепёшкой из тарелки... Как вкусно! Мы ели это масло до тех пор, пока из посёлка не привезли сливочное.

Только к зиме кончилось моё сушёное мясо. Мы варили из него суп, сдобренный жиром, который мама вытопила летом из костного мозга.

Полезно делать припасы! Они очень помогают в голодное время.

Никто, никого, ничему

Однажды мне дали на редкость бестолкового оленя. Его хоть пинай — не поднимешь. Я обиделась и уселась в палатке. Долго не выходила.

— Седлай верхового, поехали. Другого-то нет, — сказали мама с братом.

Я отвернулась, сделала вид, что не слышу. «Ничего, — думала, — без меня всё равно не уедут». Но знакомые звуки отъезда всё-таки заставили подняться.

Я побежала к оленю. Он, оказывается, уже был приготовлен и взнуздан. Я подвела его к пригорку, попробовала вскочить ему на спину. А он выворачивался из-под меня, и всё тут! Что за непослушный! Я несколько раз упала...

Скоро меня взяла ярость. Я ударила оленя прутом по носу. И вдруг упрямец упал на колени! Я глазам своим не поверила! И быстренько села на него, пока он не передумал. Поскакала вдогонку матери

и брату. Они услышали топот и даже не оглянулись... Ах, так! Я слезла с оленя и уселась на землю. А они — ноль внимания!

Едва мама и брат скрылись из виду, я снова ударила оленя прутом по носу. Он опять опустился на колени, и я поскакала дальше.

Вечером пастухи надо мной смеялись:

— Упрямство-то заразное! Кто садится на упрямого оленя, сам таким же становится!

— Ваш упрямец меня прекрасно слушается, — холодно ответила я.

Они пуще захохотали.

— Вот и забирай его! Самый глупый никому не нужен!

...Негодных ездовых брат купил у каких-то горных людей. Все эти олени были бестолковыми и упрямыми.

На следующий день, пока пастухи пили чай, я привязала верховых и хлестнула каждого прутом по носу. Олени забились на своих верёвках, двое оборвали привязь и сбежали.

Я испугалась и спряталась за холмиком. Выглядывала из-за него и ждала, что дальше будет. К счастью, пастухи решили, что оленей взбудоражили собаки. Я обрадовалась и выбежала из-за холмика как

ни в чём не бывало. Пастухи, чьи олени удрали, дальше пошли пешком.

Я тайком призналась во всём маме. Она удивилась: — Никогда не видела оленя, который встал бы перед ребёнком на колени! — И задумалась: — Может, горные люди били оленей? Но у нас-то так не принято! О том, что ты проучила оленшка прутом, никому не рассказывай. Возьми его себе и больше не бей. Если животных всё время бить, они становятся

бестолковыми. От такого обращения даже умереть могут...

— А как их учить?

— Просто покажи прутик, олень и послушается. Потом без прута привыкнет. Страхом ещё никто никого ничему хорошему не научил.

Я ехала и пела грустную песенку: «Никто, никого, ничему...» И гладила оленя по шее: «Не беда! Мы с тобой подружимся».

Жеребёнок Тойтой

Возле нашей стоянки расположились конные люди. Я заметила у них в табуне коня с большим животом. Ходила вокруг, смотрела, что эти люди делают, о чём говорят. А они поставили палатки, разожгли костёр. Угостили меня печеньем. Я принесла им сушёного мяса, и они на радостях насыпали мне целый кулёк конфет.

Утром я встала рано. Рядом с нашей палаткой паслись чужие кони с путами на ногах — чтобы не сбежали. Вдруг я увидела: на траве лежит крохотное существо, дрожит, пытается встать на ножки. А возле него лежит тот самый конь с большим животом, и из вымени у него течёт молоко. Я поняла: «Конь тугута родил».

Попробовала поднять малыша. Он был хоть и маленький, но тяжёлый. Наконец мне удалось подтянуть его к вымени. Я с трудом раскрыла ему рот

палочкой, набрала из сосков молока себе в ладонь, накапала тугуту на язык. Потихоньку напоила его из ладони. А потом он сам к вымени присосался. Я обрадовалась — значит, всё правильно сделала!

Дёрнула коня за хвост. Он не шевелился. Совсем. Я закричала:

— Эй, люди! Конь оленёнка родил, а сам умер, бедный!

Конные заспешили ко мне, засуетились вокруг коня. Я услышала:

— Не смогла подняться... Рядом никого не случилось... Тяжёлые роды были...

— Кто его сюда подтащил?

— Ребёнка коня? Я. Помогла ему начать кушать.

— Это не конь, а кобыла. А маленький — не тугут. Жеребёнок, — растолковали мне.

А смешливый усатый дяденька меня похвалил:

— Ай, молодец! Сама с вершок, а справилась! Если б не ты, мы бы и жеребёнка лишились. Вот только чем его теперь кормить?..

— А пусть важенки его кормят! Мы оленят к разным важенкам подпускаем.

Усатый задумался.

Я медленно зашагала к палатке. Думала с грустью: «Такие большие, а одного маленького прокормить не могут».

— Девочка! — вдруг окликнул меня дяденька. —
А хочешь, отдадим тебе жеребёнка?

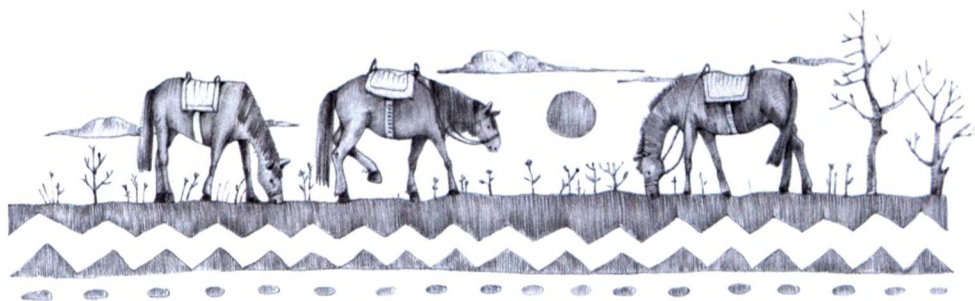
— Конечно, конечно, хочу! — обрадовалась я. —
Спасибо!

— Сумеешь вырастить — будет тебе добрый конь!
Я обняла лежащего на траве новорождённого,
и тут подошла мама.

— А мне жеребёнка подарили!

— Ой, какой маленький! — мама наклонилась
над ним, погладила. Усатый поднял малыша и отнёс
к нашей палатке. Мама угостила дяденьку оладьями.

Через день конные уехали.

Жеребенок выпивал много оленьего молока, всё больше и больше. Пришлось нам самим пить небелёный чай. Важенки маленького обижали, пытались боднуть, когда он к ним подступал. Вся моя жизнь наполнилась его прогулками, едой, обидами...

Мне казалось, что он не наедается. Он пил много воды. Потом я стала кормить его мелким сеном и мучной болтушкой. Назвала любимца Тойтоем.

Скоро я едва доставала ему до ушей. Мы вместе бегали по траве. Мама больше не разрешала поить Тойтоя молоком, и его стал кормить брат.

— Он ведь всё равно мой, правда? — спрашивала я ревниво.

— Твой, твой. Сама к седлу приучать будешь.

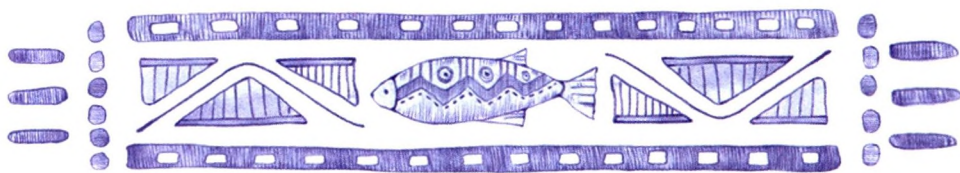
Я ходила гордо, заложив руки за спину, как человек, имеющий собственного коня.

— Ишь какая важная у нас конная владелица! — смеялись пастухи.

— А вы не знали? Так все конные ходят! — отвечала я.

По предсказанию усатого дяденьки, Тойтой вырос добрым конём. Как-то раз, когда брат сломал ногу и полз домой из последних сил, Тойтой нашёл его и лёг рядом, чтобы раненому было легче на него взобраться. Он привёз брата домой и ржанием подозвал маму. С тех пор мой брат и конь неразлучны. Но я знаю, что Тойтой больше всех любит меня.

Половинчатое сердце

Однажды разговор зашёл о нечистой силе. Я, конечно, вся превратилась в слух. Никус рассказывал, как он видел чёрта.

— Еду я как-то вечером, не боюсь ничего, вдруг слышу — женщина кричит. Да так страшно! Погнал оленя. Олень спотыкается, у меня голова кругом, упустил вожжи. Он меня сбросил и убежал. Иду пешком. Нож достал, рукоятку сжимаю. Попал, думаю, в бесовское место. Тут женщина меня по имени назвала. Я ещё сильнее перепугался, а голос, слышу, вовсю меня ругает. Что за ерунда? Остановился я, вижу: навстречу движется какая-то тёмная фигура. Голос точно как у Акулины, — Никус показал пальцем на мою маму. — Подошёл ближе, а это она хромает. Помните, я три года назад на закорках её притащил, когда она ногу подвернула?

Все захохотали.

— Эх, я-то решил было, что ты о настоящих чертах расскажешь, — заметил Ванчик.

— Да и ты чёрт ненастоящий, — вздохнула я.

— С чего это я — чёрт, глупая ты девчонка?

— Ты же недавно кричал, что поранил ногу! — объяснила я. — А черти всегда невредимыми остаются... Так Никус говорит!

— Вот я настоящего чёрта видел, — насупился Ванчик. — У него был один глаз, одна рука, одна нога, рот большой, а сам чёрный-пречёрный...

Я прижалась к матери, еле дыша от страха. В глазах стоял жуткий одноногий, одноглазый чёрт с большим ртом. Чудилось, во-о-он в том углу сверкают его острые зубы! Сейчас подскочит, схватит меня и бросит в котёл...

— Как только сердце у меня не разорвалось! — сказал Ванчик.

Я на всякий случай крепко зажмурилась.

— А где ты его видел? — заинтересовался Эрчэни.

— В одной старой избушке. Пусть, думаю, любое страшилище ко мне явится, всё равно не боюсь. Печку затопил, сижу чаёк пью. Вдруг шаги. Хорошо слышно: скрип... скрип... И кто-то вдруг в дверь как кинется, как зацарапается! Я изо всех сил на неё налёг. А с той стороны ещё и собачий лай донёсся. Сердце чуть из груди не выпрыгнуло... А лай точь-в-точь

как у моего Мойтурука. Что такое? Собака-то дома на привязи осталась сидеть. Я нарочно пса привязал, чтобы не гонялся за мной, и родным велел за ним присмотреть. В общем, дверь открыть я поостерёлся. Вдруг нечистая сила хитрит? Тут в печке дрова кончились, подтопить надо. Я разрубил лежанку. Жарко стало. Тихо. Я задремал. Не понял, то ли сон, то ли явь, но вижу — прыгает вокруг меня чёрт одноногий. Смеётся ужасно, зубами лязгает, в собаку превращается и лает громко... Неизвестно, что стало бы со мной, если б не Мойтурук! Он, оказывается, верёвку перегрыз и на помощь прибежал. Ох, бедное моё сердце!.. Правду говорю — чуть не разорвалось. Хорошо, что хоть вполглаза на чёрта смотрел. Может, потому и жив остался.

— Наверное, у тебя и сердце стало половинчатое, если ты вполглаза смотрел, — вставила я.

— Что за девчонка, что ни скажи — всё по-своему перевернёт, — рассердился Ванчик.

«Вот почему Ванчик самый молодой, — догадалась я. — Все давно выросли, а он всё равно моложе всех! Это, конечно, из-за половинчатого сердца».

Посёлок

Мама сказала, что скоро мы с ней поедem в посёлок. Я запела от радости:

Посёлок, посёлок!
Он такой весёлый!

Из посёлка обычно привозили разные вкусности и подарки для пастухов. Поэтому я принимала заказы. Ходила с карандашом и бумагой, подражая взрослым. Ванчику пообещала привезти щенка, нарисовала на бумаге его лицо и рядом собаку. Остальные заказы тоже зарисовала. Обещала привезти всё из моего «списка».

Мы отправились в путь. Я сидела внутри крытых саней, устланных мехом. Хорошо! Хвостики оленей смешно тряслись, белая дорога летела навстречу.

В посёлок мы прибыли вечером. Я отсидела ноги и чуть не упала, когда вылезала из саней. Меня подхватила какая-то нарядная тётя, внесла в дом,

усадила на кровать. В доме было очень чисто, полы аж переливались. И повсюду много-много окон!

Молоко у хозяев оказалось странного вкуса. Я решила, что оно испорченное, и отставила свою чашку. Мясо тоже было необычное, не похожее на оленьё. А вот хлеб с маслом мне понравился. Я намазала себе два куска. Потом взяла две конфеты и положила рядом.

— Мама, дай мой белый мешочек!

Мама настороженно глянула на меня.

— Зачем тебе?

— Конфеты с собой возьму.

Хозяйка по имени Марфа засмеялась и высыпала мне в ладони все конфеты из красивой стеклянной посуды.

— Подарок для пастухов, — объяснила я.

— Ах ты пташка! — умилилась тётя.

И тут меня осенило: о пастухах-то я подумала, а поселковым гостинцев не привезла! Я расстроилась.

— Жаль, что ты ничего не заказывала, — сказала я Марфе. — Но ведь я тебя раньше не знала. Вот теперь знаю и в следующий раз обязательно привезу тебе подарок.

Я вышла на улицу, и мама с Марфой за мной. Вытащили из саней два огромных куска мяса, чтобы занести в дом.

— Мама! Ты зачем всё мясо отдаёшь? Что мы сами кушать станем?

— Уж такую-то маленькую девочку найдут чем прокормить, — усмехнулась тётя, а мама почему-то покраснела.

С Айей, дочкой Марфы, я обегала весь посёлок. Увидела странного зверя. Не олень и не конь, разве что на собаку немного похож. Только на очень большую. На голове короткие толстые рога.

Айя поймала диковинного зверя за ухо и привела ко мне. Когда я хотела потрогать его рога, зверь взял и облизал мою руку тёплым шершавым языком.

— Это твоя собака?

— Это корова Маначай. У неё очень хорошенький телёнок.

— Телёнок — её ребёнок? Так вы его мне отдайте! Я как раз обещала Ванчику щенка привезти!

Айя захлопала глазами.

— Я говорю: корова это! Понимаешь? Ко-ро-ва.

Она бросилась к дому. Я за ней. Слышу — Айя кричит своей маме:

— Нулгынэт хочет забрать нашего телёнка!

Я подтвердила:

— Да, я хочу взять его с собой.

— Зачем он тебе?

— Ванчику обещала.
— Телёнка?
— Щенка...
— Ладно, спроси у мамы, возьмёт ли она телёнка, — засмеялась тётя.

Мама сказала:

— Корова — не собака, совсем другое животное. Зимой живёт в коровнике, а у нас его нет.

— С нами в чуме будет жить, — не сдавалась я.

— Что за упрямый ребёнок! — расстроилась мама. — Не можем мы взять телёнка!

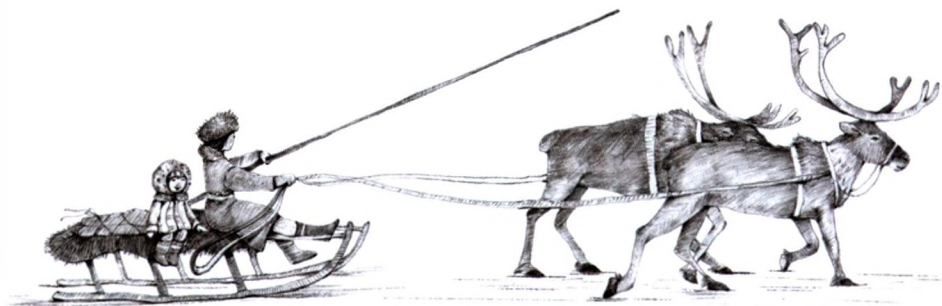
— Он просто большой, но всё равно как собака! Никакой разницы!

— Люди едят коровье мясо, — объяснила мама. — Пьют коровье молоко. А собак не доят и мясо собачье не едят.

Я обиделась и снова убежала на улицу. Залезла в сани. Сидела там, сидела... Совсем продрогла...

— Не плачь, — погладила меня по голове мама. — Тут не только коров, тут и собак много. Найдём хорошего щенка Ванчику. Вот управлюсь с делами, и домой...

С поселковой ребятнёй я наигралась вволю. Им интересно было — расспрашивали о нашей кочевой жизни, об оленьем стаде.

— У нас здорово! — говорила я. — Маленькая только я одна. На оленях езжу. Иногда взрослые берут меня охотиться на чубуку. С мамой капканы проверяю. Весной вокруг полно уток и гусей. Если вижу гусиных птенчиков — убегаю.

— С птенчиками?!

— Зачем? Одна убегаю, от их мам. Защищать могут. Их даже наши пастухи опасаются. Стерхов* тоже. Говорят, одному дядьке, который хотел яйца из гнезда взять, журавль клювом спину проломил...

Вопросам ребят не было конца. Я тоже много узнала о посёлке. Мы долго и весело играли. Я учила их играть в камешки. Вместе мы делали норы в сугробах.

Поселковые дети не привыкли подолгу быть зимой на улице. Они быстро замерзали и разбегались по домам. Но, отогревшись, снова бежали ко мне.

* Стерх — белый журавль. На территории России водится только в Якутии.

Пока я гостила в посёлке, во дворе у Марфы всё время толпилась детвора.

К отъезду у меня набралось два мешочка подарков.

Мы с мамой побывали в магазине. Чего там только не было! Я даже растерялась.

— Куплю что хочешь, — сказала мама, а у меня в глазах зарябило! Всё нравится, выбрать невозможно.

— Давай весь магазин купим!

— Чем же я, бедненькая, торговать тогда стану? — сокрушённо заметила продавщица.

— Ладно, всё не возьму, — я зашла за прилавок и принялась выкладывать на него нужные вещи.

— Хватит, не унесём, — остановила меня мама.

Дети помогли нам сложить покупки в сани.

Подошёл какой-то незнакомый дяденька, протянул мне тетрадь и карандаш.

— Учись писать и считать. Ты бойкая, умная, для своих лет отличница!

— Я не отличница, — сказала я. — Я — Нулгынэт! А писать я умею. Всё, что люди заказали, записала. Вот! — И я показала ему бумагу с «записями».

— Почему так много букв «о»? — спросил дяденька.

— Никакое не «о», это лица!

Он засмеялся.

— Молодец, Нулгынэт! Наверное, вырастешь писателем или учёным!

Когда дяденька ушёл, дети сказали, что он — учитель.

— Здорово! — обрадовалась я. — Значит, он будет и моим учителем. Я научусь писать все буквы, как лица!

...К ночи мы уже были на нашей стоянке. Я привезла щенков Ванчику и себе. Никто не остался без подарка.

у себя лучше!

у песика Утикана желтовато-чёрные подпалины на боках. В роду его были овчарки. Он недавно начал открывать глаза. Мама с братом говорят:

— Глазки только прокололись, когда хорошо бегать начнет?

Я принялась разглядывать глаза у собак. Глаза как глаза, ни у кого проколотых нет. Сказала дома, а мне:

— О чём ты? Куда глаза денутся, есть у всех.

— А зачем вы тогда щенку их прокололи?!

Мама подняла Утикана, заглянула ему в мордочку и объяснила:

— Щенки рождаются слепыми, а когда глазки открываются, это называется «прокололись».

Ой, правда, глазки у щенка сизые еще, совсем немного поблёскивают.

А если самой попробовать веки ему пошире открыть? Я дернула за собачье веко, и брат отобрал у меня плачущего песика:

— С ума, что ли, сошла? Незрячим сделать хочешь?! — да как даст мне подзатыльник!

Я заревела во весь голос. Больно не было, но в груди зажглось от обиды. А тут и мама добавила:

— Прекрати рыдать, плохое накличешь! — и погрозила прутом.

— Больше не мучай собачку! — велел брат. — Если будешь мучить, из Утикана никогда не вырастет охотничий пёс! Поняла?

Услышав это, я еще горше заплакала.

— Замолчи! — мамин прутик прошёлся по моей попе.

— Ой, помогите! — закричала я во всю мочь. — Помогите, люди, тут вдвоём меня бьют!

На мои крики прибежала старушка-соседка Ачча и вступилась:

— За что ребёнка обидели?

— Щенка мучает, — сказал брат.

Старушка ласково коснулась моей мокрой щеки.

— Ну-ну, не плачь! Пойдёшь к нам?

— Пойду!

Я собрала свое игрушечное «хозяйство», наде-
ла поверх домашнего платья новое нарядное, взяла

свою чашку и тарелку. Ни разу не взглянула на мать и брата. У двери сказала:

— Свою собаку Юрюмэ с собой забираю.

И вот мы с Юрюмэ зашли в соседский чум.

— О-о, Нулгынэт к нам в гости пришла! — обрадовался старик.

— Я не в гости, я насовсем к вам переселилась. Теперь вашей дочкой буду.

Старик заулыбался:

— Вот и славно! Будет теперь кому дрова рубить, таскать, печь топить, лёд носить, а то ведь я-то старый стал!

— Новую дочку оладьями с сахаром угощу! — засуетилась старушка Ачча.

Я сидела между стариками, пила чай с молоком и вела с ними разговоры о жизни. О том, что я к ним переехала — ни слова.

После сытной еды и приятной беседы мне захотелось спать. А спать-то и не на чем. Постель дома осталась.

— Ой, нет у меня тут ни одеяла, ни подушки, — закручинилась я.

— За чем дело стало? — говорят старики. — Иди да принеси.

Но я уже поняла, что, даже если принесу свою постель, все равно не смогу спать в чужом чуме. Поэтому сказала:

— Меня побили, это правда, но всё-таки я, пожалуй, домой пойду. Может, не выгонят. В сторону их щенка ни разу не посмотрю.

Старики тихо засмеялись. Я собрала вещи, и мы с Юрюмэ отправились обратно.

Мы бежали со всех ног, поэтому у входа я упала, и мои вещи рассыпались по полу. Мама и брат разом вскочили, убрали игрушки. Я поставила чашку с тарелкой на стол, легла на свою постель и сразу уснула.

Орёл

Брат привёз подстреленного кем-то слепого орла. Он был очень умный. Я поила, кормила его, и он стал повсюду ходить за мной. Собаки к нам даже приближаться боялись.

Однажды я хорошенько разглядела голову птицы. Вся она была в шрамах.

— Кто-то стрельнул в орла, — вздохнула мама. — Вечером твой брат приедет, и попробуем извлечь пулю.

— Тогда орёл прозреет?

— Если у нас получится...

После ужина приготовились к операции. Зажгли несколько свечей. Брат завернул птицу в простыню, крепко скрутил верёвкой, я завязала бинтом глаза орлу. Мама выдрала из его хвоста два пёрышка. Орёл переносил всё спокойно, будто понимал, что мы делаем доброе дело. Только тяжело и часто дышал.

Накалив над свечой ножницы, мама вскрыла шрам на его лбу. Из надреза выкатились две дробинки. Брат перевернул орла на другую сторону. В затылке тоже оказалась дробь. Ополоснув рот, брат принялся высасывать кровь из ранок. Высасывал и сплёвывал, пока кровь не посветлела. Мне велели налить большую кружку горячего густого чая и сильно посолить его. Этим чаем брат прополоскал рот.

Мама подожгла перья и смешала полученный пепел с жиром. Этой мазью густо покрыла ранки. Брат перевязал голову и глаза орла чистой белой тряпичей, освободил птицу от пут и осторожно опустил на пол. Целую неделю мой питомец ходил с перевязанной головой, как раненый командир.

И вот у орла всё зажило. Мы вынесли его на улицу. Он огляделся вокруг и радостно взмахнул крыльями. Увидел меня, подбежал, прижался лбом к моей ноге... А я-то боялась, что огонь в его глазах потух навсегда! Но нет, орёл словно очнулся от плохого сна. Внезапно он издал красивый клёкот и... взлетел!

— Летит! — закричали мы втроём.

Ночью я спала плохо. Мне всё казалось, что сейчас подойдёт ко мне мой красавец. Утром я не стала завтракать, забилась в угол чума и заплакала. Родные сделали вид, что не видят моих страданий. Все

занимались своими делами и не обращали на меня внимания. Разговаривали между собой:

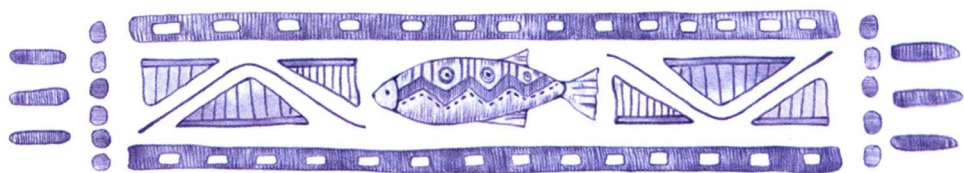
- Какой он красивый в небе!
- Смотришь — прямо дух захватывает...
- Гордая птица. Не игрушка для ребёнка.
- Да уж, не какой-то щенок.

Взрослые не смотрели в мою сторону. Но я понимала — воспитывают.

— Если прилетит без меня, когда я в школу пойду, вы уж его покормите, — сказала я, вытерев слёзы.

Но больше мы нашего орла не видели...

Как небо трескалось

— Ох, похолодало! — сказал брат, входя с улицы и поёживаясь. — От мороза небо трещит!

Я поняла буквально — что небо трескается. Никогда такого не видела! Обрадовалась, выбежала на улицу. Мама крикнула вслед:

— Эй, оденься!

Но куда там! Я её не слышала. Вглядывалась в небо: никаких трещин. Кое-где звёзды проклёвывались. Месяц тонкий, вот-вот исчезнет... Уши замёрзли, пришлось прижать к ним ладони и бежать обратно.

— Опять пропустила самое интересное! — пожаловалась я брату. — Ты почему меня не позвал, когда небо трескалось? Расскажи, что ты в трещинах видел!

Он засмеялся.

— А ты не застала? Там чего только не было — сады райские!

Пастухи захохотали. Эрчэни сказал серьёзно:

— Я, бывало, от этих трещин глаз не мог отвес-
ти. Красота! Только слишком быстро закрываются,
всласть не насмотришься.

— О-о, вот я невезучая! — расстроилась я. — А ча-
сто так бывает?

— Раз в год всего. Ну не переживай, ты малень-
кая, наглядишься ещё!

Мне было слышно, как хихикали и переговарива-
лись остальные: «Вот девчонка! Что-нибудь да учу-
дит!»

Брат увидел, что я вот-вот заплачу от огорчения,
и подозвал меня:

— Иди сюда, в карты научу играть!

Я сразу забыла о райских садах. И стала учиться
играть в барыш и в дурака.

Потом и мама иногда соглашалась со мной поиг-
рать, но предупреждала:

— В школу пойдёшь, имей в виду: учителям не нра-
вятся девочки, которые в карты играют!

В школе

Пришло время готовиться к школе. Брат рассказал мне, как правильно называть имена мамы и отца, которого давно не было с нами. Играя в карты, я научилась решать в уме задачи на сложение и вычитание, но ещё плохо знала, как цифры пишутся на бумаге.

— Ноль — как буква «о» и лицо, — говорила я.

— Единица — как стоящий человек с поникшей головой, — продолжал брат. — А двойка — как бегущий.

Мама с братом повезли меня в посёлок. Там мне купили новую одежду, а портфеля в магазине не оказалось. Мама сшила сумку из оленьей шкуры. Ботинки у меня были чёрные, жёсткие, как картон. Подошвы толстые — никакие камни не страшны. А платье было длинное, и я наступала на подол. Но обрезать его маме не дала, потому что длинное платье — это красиво.

— Ты теперь ученица. Не бегай, ходи степенно, — велела мать.

— Ладно, — согласилась я. И тут же убежала вприпрыжку.

Утром я встала рано — боялась опоздать. Попрощалась с игрушками:

— Ведите себя хорошо, чтобы мне за вас не краснеть. Я теперь школьница.

Детей в школе было много. На крыльцо вышел дяденька и звякнул оленьим колокольчиком.

— Звонок прозвенел, — сказал какой-то мальчик.

— Не звонок, а олений колокольчик, — поправила я.

— Звонок! — мальчик шлепнул меня портфелем по спине.

— Олений колокольчик! — я тоже стукнула его сумкой.

Нас развели в стороны и поставили в шеренги. Напротив учеников стояли учителя, говорили о чём-то громко и много. Первоклассникам выдали тетради и карандаши, завели в комнаты (классы) и посадили за покатые столы (парты). Оказавшись за одной партой с драчливым мальчиком, я показала ему язык. Он погрозил мне кулаком.

Учитель сказал, что будет учить нас счёту, письму и чтению. Спросил имена — наши и родителей.

Спросил, что мы умеем делать. Я спела эвенскую* песню и предложила рассказать о волках.

— Потом расскажешь, Нулгынэт, — ответил учитель.

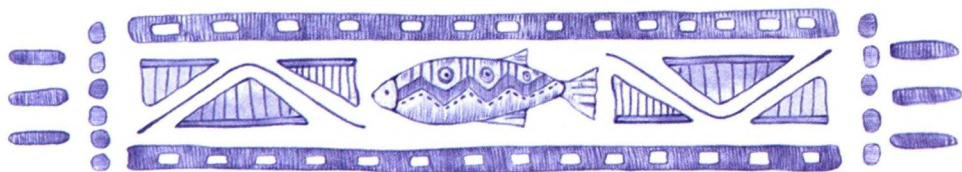
Когда снова задребезжал олений колокольчик, все выбежали из класса. Я схватила сумку и понеслась домой. Мой сосед по парте закричал:

— Удрала, удрала! Ловите!

Меня поймали и вернули в школу. Оказывается, школа на этом не закончилась.

* Эвёны — коренной народ северо-востока Сибири (не путать с эвенками — это родственный эвенкам народ, который традиционно селился южнее).

У меня хорошее прозвище

Я перерешала все примеры и задачи в учебнике, поэтому вместо уроков арифметики мне разрешили уходить домой.

— Кто учил тебя решать? — спрашивали ребята.

— Все, — осторожно отвечала я. Побаивалась признаться, что играю в карты. Прошлой зимой Никус проиграл нескольких оленей, и его за это ужасно ругали на колхозном собрании. Отобрали карточные колоды. У меня тоже были старенькие потрёпанные карты. Я опасалась, что их отнимут. Играла, прячась в укромном месте.

Однажды одноклассница Татка выследила меня. Утром я пришла в школу, а там уже всё известно!

Учитель Анатолий Васильевич завёл меня в учительскую.

— Ни взрослым, ни тем более ребёнку играть в карты нельзя.

— Знаю... Больше не буду...

На перемене я поколотила ябеду Татку.

— Картёжница! — крикнула она.

Меня стали дразнить «картёжницей» и почему-то «яблоком». На первое прозвище я обижалась, от второго приходила в ярость. Я не знала, что это за слово, и подозревала худшее, вроде выражения «плохой человек». Сейчас думаю, дразнили меня так потому, что я была круглолицей и румяной.

В школе мне нравилась русская учительница Любовь Ивановна. Она не понимала по-якутски, поэтому дети иногда над ней смеялись. Ко мне учительница относилась очень хорошо, и я решилась спросить:

— Любовь Ивановна, что такое яблоко?

Она поняла последнее слово «яблоко».

Ответила по-русски, но я не поняла.

Её дом находился по дороге к нашему. Любовь Ивановна пригласила меня к себе. Усадила за стол, принесла и открыла какой-то ящик. Вынула из него красный мячик. Ах, что за чудесный шёл от него аромат!

— Вот яблоко, — сказала учительница. — Ешь, пожалуйста!

Я не поняла. Сидела, глазами хлопала. Любовь Ивановна сделала вид, что жуёт. Взяла из ящика второй

такой же мячик и звонко укусила. Брызнул светлый сок. Запахло прямо как... не знаю, с чем сравнить! Как всё самое вкусное на свете.

Так это еда! Я взяла яблоко. На зубах оно скрипнуло свежо, будто снег под ногой. И оказалось действительно таким же вкусным и сладким, как обещал его запах.

— Яблоко хоросо.

— Да-да, это и есть яблоко!

— Хоросо... Скусно.

Я съела яблоко, встала со стула и подошла к двери.

— Домой? — спросила учительница.

— Да. Дом.

Она положила мне в сумку два яблока и горсть конфет. Сказала что-то длинное. Я согласно закивала:

— Да, да. Яблоко. Дом. Хоросо. На здоробье.

Дома рассказала, как ходила в гости к русской учительнице. Поделилась со всеми яблоками. Таких конфет, которые она мне дала, я никогда не пробовала.

На них были прозрачные шуршащие фантики. Я угостила ими одноклассников.

— Яблоко, ребята, это очень здорово! Любовь Ивановна вчера подарила мне яблоки.

— Ты, ты яблоко! — хохотали мальчишки и девочки.

— Ладно, смейтесь. Правильное прозвище дали, и на том спасибо. Хорошее прозвище.

После этого они перестали обзывать. Но начали ябедничать на меня русской учительнице. Что было, чего не было — всё докладывали. Она вызывала меня и долго со мной разговаривала. Я улыбалась и вежливо отвечала:

— Да, да. Хоросо. Да.

Из того, что она говорила, я не понимала ни слова.

Все Снегурочки — загляденье

К Новому году мы вырезали из цветной бумаги разных зверюшек и склеили красивые цепочки из флажков. Учителя поставили в школьном зале ёлку. Я никогда не видела Новый год. И вот он наступил.

Девочка, которая должна была играть Снегурочку, внезапно заболела, и белый снегуркин наряд пришёлся впору мне. Учитель сказал, чтобы я пригласила всех к ёлочке, поздравила с Новым годом и что-нибудь спела.

— Ладно. Одну песню?

— Одну.

Я сделала всё как он велел, спела праздничную песню. Вдруг все закричали:

— Bravo! Бис! Ещё пой!

Когда я, вопреки учительскому наказу, спела ещё и поклонилась, с улицы зашёл старик с белой бородой в диковинной одежде (я сразу узнала в нём самого высокого учителя нашей школы). Это был Дед Мороз. Он взял меня за руку и повёл вокруг ёлочки.

Отличникам и хорошистам Дед Мороз вручил подарки. Мне тоже дали. Я отнесла подарок маме. Мама и другие родители сидели там же, в зале, на стульях, расставленных вдоль стены. Дед Мороз позвал меня, — я сделала вид, что не слышу. Мне надоело медленно ходить со стариком вокруг ёлки, я хотела бегать с ребятами. Тогда он сам приблизился ко мне и снова потащил за собой, но я вырвалась и тут уж вволю набегалась. Когда остановилась передохнуть, ко мне подошёл брат заболевшей девочки вместе со своей мамой. Он сказал, что я порвала наряд. Я испугалась.

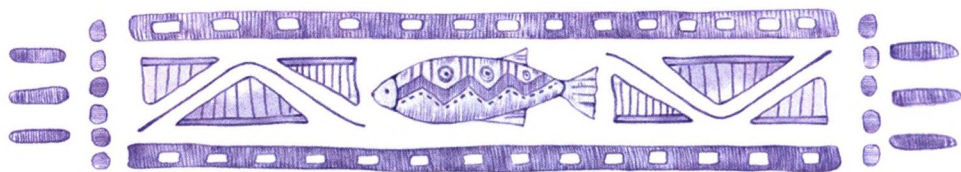
— Ничего страшного, я потом зашью, — произнесла женщина и поцеловала меня. — Играй, детка.

Через несколько дней она занесла нам платье, которое стало краше прежнего — всё в узорах! Я выглядела в нём настоящей Снегурочкой.

— Просто загляденье! — сказала женщина, любясь мной. — Моей дочке платье уже мало, возьми его себе, Нулгынэт.

Я носила по праздникам чудесное снегуркино платье, пока не выросла из него. А потом мама сшила к нему красивую шапочку и подарила наряд другой маленькой девочке. Мы с мамой смотрели, как девочка бежит в нём вокруг ёлки, и радовались. Снегурочка была просто загляденье!

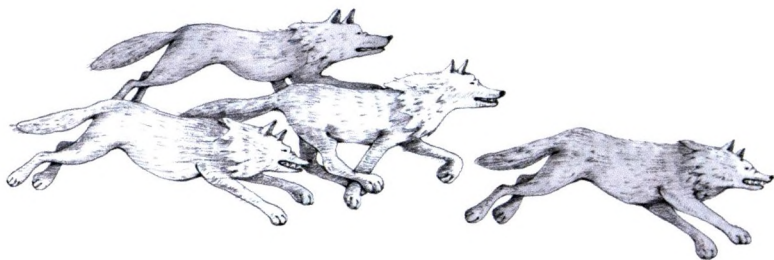

Волки

Мы с братом ехали в стадо. Я сидела в санях. За спиной у брата было ружьё. Вдруг он резко начал понукать оленей. Оказалось, из кустов выбежала и погналась за нами стая волков. Олени в ужасе понеслись, не разбирая дороги. Ветки хлестали по мне и несколько раз чуть не сбросили меня на землю. Наконец сани опрокинулись. Олени запутались в постромках.

Брат выстрелил по волкам. Они были уже близко. Я громко заревела и зажмурилась.

Сначала выстрелы слышались часто, затем реже, а потом и вовсе прекратились. Я перестала плакать.

Открыла глаза. Олени стояли спокойно, брат ози-
рался по сторонам. Я выбралась из саней.

— А где волки?

— Двое удрали.

С ружьём наперевес брат принялся таскать и скла-
дывать убитых волков. Я насчитала целых шесть!
Задрожала от страха.

— Замёрзла? — спросил брат. — Иди сядь между
волками, они ещё совсем тёплые.

— Нет уж, — ответила я, клацая зубами.

Брат развёл костёр, подогрел чайник. Напившись
чаю, ободрал с волков шкуры.

Стемнело, даже месяца не было видно. А под утро
мы снова тронулись в путь.

— Премию за стаю дадут, — радовался брат.

Артисты тоже играют

Приехали артисты. Мы собрались в клубе и ждали концерта. Сначала на сцене никого не было, потом занавес открылся, и кто-то вытолкнул к нам заполошного дяденьку. От неожиданности он набормотал кучу слов. Ему похлопали. И тут вышли артисты. Они стали играть в жизнь, как обычно играют дети.

— Смотри, Таня, совсем как мы с тобой! — шепнула я подружке.

— Когда же петь начнут?

Но артисты продолжали играть. Петь никто и не думал. Мальчишки принялись баловаться от скуки, и строгая тётя выгнала их из клуба. «Жаль, что я не шалила с мальчишками», — подумала я. Устала ждать концерта.

— Хорошо играют, — заметила Таня.

— Мы ещё лучше умеем, — возразила я. — Неинтересно мне, домой пойду.

И ушла домой.

— Ну как концерт? — спросила мама.

— Не было его. Артисты просто играли.

— Как это? — мама удивилась.

— Как дети играют, так и играли.

— А потом?

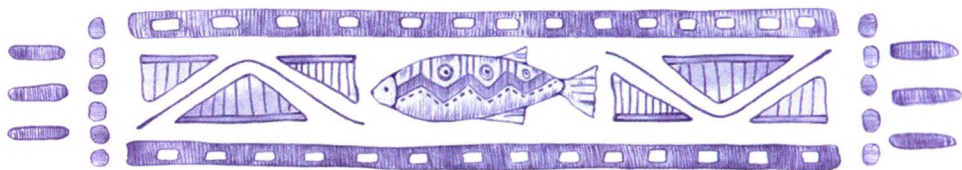
— Потом — ничего. Заигрались.

Мама пожала плечами:

— Что за концерт!

— Вот и я не понимаю, — сказала я и поскакала на улицу. Может, Таня уже пришла со странного концерта и мы с ней поиграем в артистов.

Самолёт

В нашем посёлке не то что самолётов, но и тракторов нет. Тракторы мы видим только тогда, когда они едут по дороге в посёлок Депутатский. Но вот прокатилась новость, что приедет комиссия выбирать место, куда сядет самолёт.

Все разговоры свелись к этой волнующей теме. Мальчишка по имени Бодюк, известный проказник, хвастал:

— Если самолёт будет низко, я обязательно схвачусь за его хвост и полетаю!

Он показал нам свой игрушечный самолётик. Тогда другой мальчишка, мой сосед по комнате Омочук, выпалил:

— А я... я возьму ружьё и подстрелю самолёт, как утку! — и размышлял: — Из него столько игрушек можно вырезать!

— Надеюсь, ты и с нами поделишься самолётными игрушками? — спросила я.

— Вас слишком много, — заважничал Омочук. — Придёте пораньше, может, кому и достанется...

Дома я рассказала новости маме. И о том, что скоро к нам прилетит самолёт, и о том, что ребята собираются наделать из него игрушек.

— Как только услышишь, что самолёт летит, позови меня!

— Ой, беда! Куда же он приземлится? — испугалась мама.

— На посёлок, куда ещё...

Пока я играла, самолёт взял да и правда прилетел. Прогудел страшно, белую полосу в небе оставил и закружился над посёлком.

Я и другие ребята побежали к нему, женщины — за нами. «Тоже чего-нибудь собираются от самолёта отхватить», — подумала я. Женщины начали ловить ребят, и меня мама тоже поймала. Я пыталась вырваться — не тут-то было! Мама втолкнула меня в дом и запихала под кровать. И сама за мной полезла.

Шум мотора прекратился. Из-за маминой спины я видела, что охотник за самолётами Омочук тоже лежит под кроватью, придавленный своей мамой.

Выбравшись из-под кроватей, мамы принялись ругать нас:

— Ах, безобразники! Самолёт мог свалиться на ваши дурные головы! Видели ведь — специально

несколько кругов сделал, озорников выискивал!
Мокрое место от вас бы осталось!

— Два, — пискнула я.

— Чего — два?

— Два мокрых места...

Мамы взялись за ремни, и мы дружно заревели.
...Вечером я беседовала с Омочуком.

— Прилетит ли к нам ещё самолёт?

— Что с того, если и прилетит, — вздохнул он. — Ма-
ма меня сегодня поймала, когда я из амбара отцов-
ское ружьё тащил. А ты и не предупредила меня,
что она за амбаром прячется!

— Так я и не видела. Я за самолётом бежала.

— Эх, не догадался я из окна амбара выстрелить!

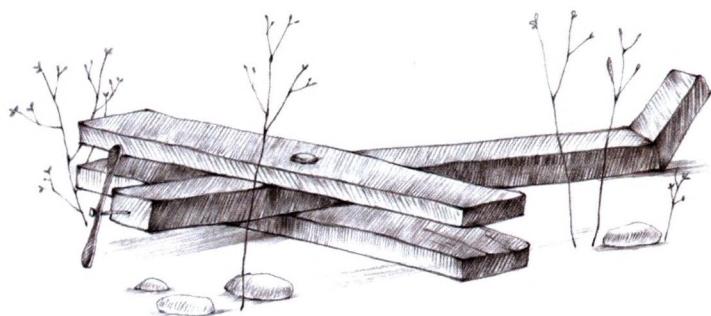
— А вдруг в самолёте люди, тогда что?

— С чего это там люди? Он же просто железная птица! Помнишь, в школе стихотворение учили: «Самолёт как железная птица...»

— Ну... я видела, что тракторами управляют люди. Может, и самолётом кто-то управляет.

— Не может быть, — сказал Омочук. — Нам бы об этом сказали.

Мы поссорились, и не обошлось бы без драки, если б Омочук не наступил на швабру. Она стукнула его по лбу, и пока он тёр шишку на лбу, я успела улизнуть.

Длинная коса

На субботнике мы собирали мусор на территории школы. Старшие ребята сгребали его и сжигали на костре. Нас и близко не подпускали. «Уж я-то за свою жизнь сто костров разожгла!» — думала я с досадой.

Отойдя с ребятами-ровесниками подальше, я стала их учить разжигать костёр. Мы натаскали старых газет, веток, и огонь получился что надо!

Мы радостно прыгали вокруг танцующего пламени. Но тут прибежала учительница и, конечно, всё испортила — потушила наш красивый костёр. Когда она затаптывала последние угольки, вспыхнувший позади огонь лизнул её длинную косу, и кончики волос вспыхнули. Недолго думая, я подскочила и зажала косу руками... О-о-о! Как больно! Огонёк прорвался сквозь пальцы.

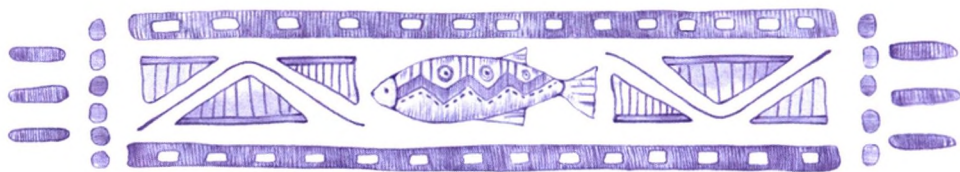
Учительница обняла меня:

— Ты спасла меня, спасибо, спасибо! Сильно обожглась?

На пальцах вздулись пузыри, но я, чувствуя себя виноватой, не могла даже плакать. Учительница повела меня в больницу, где руки мне чем-то смазали, и боль быстро стихла.

...Когда я вижу девушек с длинными косами, я всегда вспоминаю ту учительницу. Где она сейчас? Наверное, её волосы поседели... Помнит ли она меня? Знает ли, что я и была виновницей того случая, когда чуть не сгорела её великолепная коса?..

Чёртова девка

Бегая в лесу, мы увидели суму на ветке большого дерева. Видно, кто-то повесил её много лет назад, а дерево выросло, и сума поднялась высоко.

Что там лежит? А вдруг какой-нибудь клад?!

Я лазила по деревьям лучше всех ребят. Омочук дал мне нож — срезать спутанный ремень сумы, и я полезла. Еле добралась до неё — крона была густая. Принялась резать кожу ремня. В это время снизу послышался приглушённый крик Омочука. Сквозь ветви я увидела, как дети бросились врассыпную. На тропе показался всадник. «Старик Мерес!» — узнала я его по высокой шапке. Всем было известно, что этот человек не любит детей. Я испугалась и выронила нож. К моему ужасу, он вонзился в тропинку прямо перед копытами коня!

— Что такое?! — старик приставил ладонь ко лбу козырьком и глянул вверх. К счастью, листва заслонила

меня. Мерес свернул на другую тропу и пустил коня вскачь.

Я слезла с дерева. Из кустов выпрыгнули ребята.

— Он тебя видел?

— Кажется, нет...

— Ох и струсил, ох и погнался! — радовались они. —

А сума где?

— Висит.

— Пусть висит, — сказал Омочук и подобрал свой нож. — Даже если там что-то хорошее было, давно истлело, наверно.

На следующий день по посёлку поползли слухи, будто старик Мерес повстречал нечистую силу.

— Говорит, кто-то с дерева ножом в него бросил, — сказала мама. — Посмотрел он вверх, а там

лохматая, с огненными глазами сама чёртова девка сидит!

Мне было обидно, что старик принял меня за какую-то чёртову девку. Огненные глаза придумал... А что волосы были лохматые, так это я плохо расчесалась с утра... Поэтому я отправилась к Мересу и рассказала ему правду. И вот удивительно — он мне не поверил!

Ну и ладно! Пусть я чёртова девка, зато теперь знаю, что и взрослые выдумывают сказки! Даже если не любят детей.

Сенокос

На большом быке мы поехали к месту сенокоса. Бык не олень, шагает медленно-медленно. Умереть можно со скуки! К тому же от езды на спине быка ломит всё тело.

Наконец мы добрались. Построили шалаш. Утром я увидела, как брат ездит на сенокосилке. Трава мягко ложилась по обе стороны от неё послушными прядями. Я развела дымокур — костёр от мошкеры. В прохладе шалаша устроилась почитать книжку. Когда всё равно стало слишком жарко, отправилась купаться в озере.

Брат велел мне привести коней. Я вышла на пастбище. Коней там паслось много, и все белые. «Кажется, эти», — решила я, выбрав двоих. Пригнала их брату.

— Зачем увела чужих? — рассердился он.

— Думала, что твои, — развела руками я. — Да и какая разница? Там их полно.

Но брат отвёл этих коней обратно и пригнал своих. Тогда я вплела красные тряпицы им в гривы, чтобы отличить в следующий раз.

— Ишь какая хитрая! — покачали головами косари.

Мама готовила чай. Я помогала брату — мы точили ножи сенокосилки и вставляли новые зубья вместо погнутых. Брат рассказывал о трудоднях.

— Это что — трудные дни?

— Ага, потные, — засмеялся он.

Спустя какое-то время нам привезли масло, муку и деньги. Я таскала еду в шалаш и слышала, как взрослые смеются:

— Ах-ах, сколько потных дней у нашей малышки!

— Да немного! — отшутилась я. — Чаше над книжкой тружусь!

— Молодец! Читательский труд тоже чего-то стоит! — похвалили меня взрослые.

Так, в труде книжном и разном другом, проходили мои первые летние каникулы...

Мария Федотова: «Живу среди милых душе людей»

Я родилась 31 декабря 1946 года, в тайге, на перевале горы Кисилях Усть-Янского улуса*, в семье кочевых эвенов, по дороге в участок Буур Хаайбыт. Мама едва успела сунуть меня за пазуху — остановить нартенную упряжку с оленями было невозможно.

Я появилась на свет в лютые холода, в самую макушку зимы. Так называют эвены 31 декабря. Ветки лиственниц трещали от мороза и, отламываясь, падали на землю. Своей радостью от рождения девочки отец с матерью поделились с оленями, со снегами, солнцем и небесами.

Приехав в участок Буур Хаайбыт, покормили огонь, нарекли меня Марией Нулгынэт — по-эвенски «Рождённая во время кочёвки». На следующий день родился новый год и вдохнул в ребёнка звонкий снежный воздух, а через несколько дней опять потянулась в дорогу нартенная упряжка.

С тех пор неустанно кочую по жизни, не расстаюсь с родной тайгой, горами, снегами, и на белую бумагу ложатся бесконечными строчками песни об оленях — верных друзьях эвенов.

В 1953 году поступила в нулевой класс Силяннхской начальной школы Верхоянского района. Моя семья рано лишилась

* Улус — то же, что район. Якутия делится не на районы, как другие республики и области России, а на улусы.

кормильца-отца, скоро за ним ушли в мир иной дедушка и единственный брат, поэтому мы с матерью на оленях перебрались в Момский район. В Моме жили мамины родственники.

Училась в Орто-Дойдунской начальной, Улахан-Чистайской восьмилетней и Момской средней школах.

В 1971 году окончила Вилюйское педучилище имени Н. Г. Чернышевского, затем — филологический факультет Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова, стала учительницей якутского языка и литературы в Орто-Дойдунской средней школе. В данное время работаю руководителем кружка «Эвенская культура» в Момском районе. Мне в третий раз присвоена высшая квалификационная категория учителя.

Писать начала с детства, первые стихотворения печатались в газетах «Бэлэм буол», «Эдэр коммунист», в районных газетах города Вилюйска и села Хону. Работая учителем, вела литературный кружок для учащихся, в результате чего в 1994 году была издана книга «Хотугу ньургусуннар». Первая книга «Тэбэнэттээх Нулгынэт» вышла в 1995 году в издательстве «Бичик». Я автор двадцати книг. Пишу на эвенском, якутском и русском языках.

С 1999 года я член Союза писателей России. В 2000 году со сказкой «Оленёнок, который ищет молоко» заняла I место в республиканском закрытом конкурсе имени К. Туйарского. В том же году стала лауреатом премии имени Черемкина-Толомона в области искусства, культуры, литературы и журналистики Момского района. Отличник народного просвещения РСФСР. Награждена знаками отличия РС(Я) «Гражданская доблесть», «370 лет Якутия с Россией», медалью Полярников.

Моя мама, Голикова Христина Петровна, и дедушка, Голиков Николай Христофорович, были знатоками фольклора и родного языка. Дед Николай Христофорович был родом из Таттинского улуса. Когда мама охотилась на пушного зверя, я оставалась

с дедом в палатке. Он рассказывал сказки, пел старинные песни. Тогда я забывала всё на белом свете и не плакала.

После смерти дедушки мама сама пела и рассказывала сказки. Её голос был очень нежным, я сразу засыпала. Она была удаганкой*, голосом лечила и взрослых, и детей от разных болезней. Утром после этого они просыпались здоровыми.

Мама была мудрой женщиной, тонко чувствовала детскую психологию и умела верно улавливать мелодию человеческой души. Эта неповторимая мелодия вплетена в саму природу нашей кочевой жизни. А кроме того, маме не чужд был своеобразный юмор, который впитался и в меня. Без юмора у нас просто не прожить, он совершенно необходимая часть существования в суровых условиях Севера.

Я председатель Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Момского района, а также народный целитель, когда надо — оленевод. Управляю упряжкой, езжу верхом на оленях, лошадях, быках, владею всеми навыками, нужными для оленеводческой и охотничьей жизни. Зимой и летом ловлю удочкой хариуса. Сама себе шью национальную одежду.

Так и живу, радуясь жизни, среди милых душе людей. Люблю родной северный край. Никогда не устану любоваться своей родиной и её уникальной природой.

Стараюсь рассказывать детям простым языком о приключениях своих героев, привожу юных читателей к выводу о том, что никогда не следует руководствоваться ненавистью и злобой.

* Удагáн (удагáнка) — женщина со способностями целительницы.

Содержание

Мангай умчу	3
«Мамочка» Омни	6
Привези мне солнышко	9
Пенка	12
Смерч	15
Белый оленёнок	19
Собачье ухо	22
Туллай	25
Сопливые люди	29
Где человек?	33
Лесной	36
Гуси	38
Лоси в тундре	40
Игрушки	43
Счастье	50
Бережливая хозяйка	53
Никто, никого, ничему	55
Жеребёнок Тойтой	59
Половинчатое сердце	64
Посёлок	67
У себя лучше!	74
Орёл	78
Как небо трескалось	81
В школе	83
Волки	93
Артисты тоже играют	95
Самолёт	97
Длинная коса	101
Чёртова девка	103
Сенокос	106
<i>Мария Федотова:</i>	
<i>«Живу среди милых душе людей»</i>	108

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону №436-ФЗ: 6+

Мария ФЕДОТОВА
Игра в камешки

Перевод с якутского Ариадна Борисова
Иллюстрации Ирина Галкина

Издатель Виталий Зюсько
Исполнительный директор Наталья Эйхвальд
Шеф-редактор Марина Кадетова
Ведущий редактор Ася Гасимова
Редактор Екатерина Ряхина
Литературный редактор Татьяна Бобрецова
Художественное оформление Дмитрий Дервенёв
Корректоры Евгения Якимова, Вера Алексина

Регистрационное свидетельство
№ 5087746578123 от 11.12.2008

ООО «Издательский дом «КомпасГид»
101000, Москва, Лубянский проезд, д. 5, стр. 1
Тел.: (499) 707-74-75
E-mail: book.kompasgid@gmail.com

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТД «Лабиринт»:
(495) 780-00-98; www.labirint.org

Книги «КомпасГид» в электронном виде
вы можете приобрести на www.litres.ru

www.kompasgid.ru
Ищите нас в социальных сетях:
www.facebook.com/kompasguide
www.vk.com/ph_kompasgid
www.instagram.com/kompasgid

Подписано в печать 08.02.2019.
Формат 70×100/16 (165×240 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1.
Заказ № О-414.

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

skan Larisa_F

